
Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государства

О.М. Тюкаркина

Роль образов в веке глобального доминирования СМИ велика: образы ложатся в основу суждений и представлений о том или ином субъекте, определяя при этом их направленность. Как известно, человек мыслит и действует образами¹, которые являются частью его субъективной картины мира. Сам процесс когнитивного восприятия действительности состоит из преобразования информации, полученной извне (причем эта информация может быть как первично воспринимаемой, так и быть частью прошлого опыта), в «когнитивные модели».

Как отмечает С. Ризелло, когнитивные модели исполняют оценочную функцию, благодаря которой происходит переформирование внешних стимулов в когнитивный образ (*mentalimage*), который, в свою очередь, определяет поведение индивида².

В мировой политике понятие «образ» имеет по крайней мере два аспекта. С одной стороны, можно говорить о внутреннемактивном образе, который создается самим государством с целью повышения своего репутационного капитала на международной арене. Подобный образ аккумулирует в себе исторические, культурные, экономические ценности государства: он позитивен, аутентичен и уникален, т.е. характерен только для конкретного государства и призван подчеркнуть его особенность. При этом обозначение «внутренний» весьма условно: «внутренний» не значит «существующий только в восприятии местного населе-

О.М. Тюкаркина Кандидат политических наук, преподаватель Дипломатической академии МИД РФ.

Схема №1

Внутренний активный и внешний пассивный образ государства.

Автор Хауер-Тюкаркина О.М.

ния». Данное определение призвано скорее обозначить механизм формирования образа: он выкристаллизовывается внутри государства (национальный самообраз) как результат историко-культурного бытия нации. Также внутри государства формулируется стратегия развития этого образа или же имиджевая политика, которая помогает придать образу страны необходимые аспекты, приумножающие конкурентоспособность и повышающие общую привлекательность государства, а также подчеркивающие уникальность страны по сравнению с другими акторами. Следовательно, данный образ является результатом активных действий со стороны самого государства, которое определяет направленность образа и транслирует его во внешнюю среду.

С другой стороны, можно говорить о внешнем пассивном образе государства. Это тот образ, который существует в восприятии мирового сообщества. Как будет рассмотрено далее, подобный образ не всегда отличается высокой степенью объективности, а зачастую имеет манипулятивно-стратегический характер. Так, например, в условиях bipolarной конфронтации для США СССР имел образ врага, который навязывался советской сверхдержаве со стороны капиталистического мира с целью подчеркнуть чуждость идеологии коммунистического режима по отношению к «истинным» идеалам Запада.

Определение «пассивный» призвано продемонстрировать ограниченную степень влияния самого государства на процесс формирования данного образа (государство не создает данный образ активно, он скла-

дывается в восприятии внешнего мира). Иными словами, это образ включает в себя то, как государство воспринимают другие акторы мировой политики. Атрибут «внешний» сообщает, что образ формируется во внешней среде.

Автор предлагает следующим образом визуализировать вышеизложенное (см. схему №1)

Интересно отметить, что два аспекта образа не существуют отдельно друг от друга. Они находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Можно выделить три типичных сценария взаимодействия двух аспектов образа государства:

Схема №2

Сценарии взаимодействия двух аспектов образа государства

Для реалистичного сценария характерно частичное совпадение в восприятии образов. Иными словами, образ государства, транслируемый им во внешнюю среду, частично совпадает с тем, как эту страну воспринимает мировая общественность. Данная модель — с различной степенью пересечения двух аспектов — наиболее часто встречается в современном мире. Например, Россия позиционирует себя как молодая демократия, хранитель норм международного права, надежный экономический партнер, страна с большим экономическим потенциалом. Мировое сообщество частично согласно с подобным образом и также рассматривает Россию как экономически привлекательного партнера. Однако демократические ценности не входят в парадигму международного восприятия страны, поэтому в данном случае происходит только частичное совпадение образа, транслируемого Россией, и образа, воспринимаемого мировым сообществом.

Идеальный сценарий демонстрирует полное совпадение транслируемого и воспринимаемого образов. В современном мире подобных при-

меров немного. Можно предположить, что образ послевоенной ФРГ является примером идеального сценария. Послевоенная ФРГ быстро сумела вернуть утраченный репутационный капитал. При этом в качестве имиджевых детерминант был выбран образ культурной нации, экономической державы, оплота демократических традиций. Создание данного образа было поддержано «большим братом» и другими капита-

Внутренний активный образ государства создается самим государством и включает в себя два основных компонента: национальный самообраз и имидж государства

листическими странами. Хорошо выучив уроки прошлого, ФРГ пыталась создать образ страны-миротворца, который никогда впредь не станет инициатором военного конфликта.

Подобный образ был воспринят капиталистическим сообществом практически в том виде, как его транслировала сама ФРГ, в результате чего можно говорить о полном совпадении транслируемого и воспринимаемого образов. Следует отметить, что идеальный сце-

нарий возможен только в том случае, когда государство не воспринимается другими странами как источник потенциальной угрозы или же как соперник. Послевоенная ФРГ не имела врагов — у нее были только покровители, партнеры и союзники, которые полностью одобряли и поощряли создание образа миролюбивой страны.

Пессимистичный сценарий — это крайний вариант несовпадения двух аспектов образа государства. Подобные случаи были характерны в условиях существования биполярного миропорядка, когда одна сверхдержава воспринимала другую как врага. Соответственно, внутренний образ одной сверхдержавы был непримиримой противоположностью образа, воспринимаемого другой сверхдержавой и государствами, входящими в сферу ее влияния.

Подобный сценарий можно встретить и сегодня. При этом часто внешний пассивный образ формируется не как следствие влияния объективных факторов, а с подачи государства-лидера. Например, Иран транслирует во внешнюю среду образ страны с богатейшей культурой, мирного государства, которое готово отстаивать свои национальные интересы. С подачи США страна стала восприниматься как «агрессор», «ось зла», «государство-изгой». В многочисленных американских рей-

тингах Ирану даются самые негативные оценки, на основании которых США вынесли свой вердикт: Иран — это несостоявшееся государство (failedstate). Безусловно, США во многом продолжают играть важную роль в мировой политике, зачастую оказывая решающее воздействие на представления союзников. США удалось сформировать образ Ирана, абсолютно не совпадающий с образом, транслируемым самим государством.

Далее предлагается более подробно рассмотреть оба аспекта комплексного феномена «образ государства».

Внутренний активный образ государства создается самим государством и включает в себя два основных компонента: национальный самообраз и имидж государства. Можно полагать, что национальный самообраз — это ядро комплексного образования «внутренний активный образ государства», которое остается неизменным, а имидж — это периферия, которая меняется под воздействием внешних факторов, придавая общему образу ту или иную направленность. Только при изменении ядра общий образ кардинально меняется, в результате чего происходит смена образных парадигм.

Так, например, во время правления национал-социалистов изменение ядра повлекло за собой кардинальную смену образа государства: образовалась новая немецкая ментальность, которая выразилась в переосмыслении существовавших ценностей, формировании нового рационального типа мышления; на лингвистическом уровне — в формировании особого языкового дискурса, так называемого языка Третьего рейха (LTI — *Lingua Tertii Imperii* см. В. Клемперер³), а также нового типа человека — технологизированного *homofaber*, который, с одной стороны, всецело верит в прогресс и создает вокруг себя техногенную среду, в которой нет места человеческим чувствам и эмоциям, где моральные максимы подменяются квазиидеалами нового общества, где вместо любви — воспроизводство рода (вспомним деятельность организации «Лейбенборн»), вместо веры в Бога — фанатизм, создание идолов и вера в оккультизм, вместо творения собственной судьбы — подчинение государственной тоталитарной машине, а вместо собственного голоса — крики пропаганды. Все эти явления коренным образом изменили «ядро» национального образа, в результате чего образ страны философии и искусства уступил место образу военной и технологизированной диктатуры.

Ядро конституируется из элементов, лежащих в основе национальной идентичности. Ядро — это национальный самообраз государства, который вобрал в себя особенности культурного, исторического, экономического развития страны, а также весь символический капитал, который является конституирующей основой нации и государства.

Периферия — это имидж страны, существующий на конкретном историческом этапе. Именно периферия включает в себя особенности имиджевой политики, реализуемой государством с целью достижения определенных выгод в конкретный период времени. Периферия конъюнктурна: она меняется в зависимости от политического курса правящей элиты, от конкретных внешнеполитических действий государства и так далее.

Важно отметить, что достаточно часто понятия «образ» и «имидж» государства используют как синонимы. Однако это не совсем верно. Слово «image» переводится как облик, образ, изображение, престиж, репутация. Калька «имидж» в русском языке имеет значение, отличающееся от понятия «образ»: если «образ» — это константное и комплексное образование, включающее в себя символический капитал государства, то понятие «имидж» — это временный конструкт, который создается для произведения определенного впечатления.

Имидж, не соответствующий национальному самообразу, является искусственным конструктом, создаваемым для получения мгновенных эффектов. Так, например, знаменитые люди часто прибегают к «черному пиару», для создания имиджа, противоречащего их реальному образу, но позволяющего получить определенное медийное покрытие, гарантирующее рейтинг и присутствие в СМИ.

А.И. Соловьев очень емко определили понятие «имидж»: «под термином «имидж» (искусственно создаваемый образ) понимаются свойства и качества политического субъекта (в данном случае — государства), делающие его привлекательным для общественности и позволяющие решить конкретную политическую задачу с его участием, важнейший структурный компонент политики, при помощи которого политический субъект поддерживает связи с общественностью»⁴.

В отличие от внутреннего активного образа, творцом которого выступает само государство, внешний пассивный образ формируется внешним миром как некий когнитивный паттерн, в рамки которого вписывается восприятие государства мировым сообществом. Данный образ

всегда носит оценочный характер: в нем образе заключена оценка роли государства на мировой арене.

Роль образов неоднозначна:

- Образы служат ориентиром. Будучи своеобразными паттернами мышления или когнитивными картами, образы облегчают процесс восприятия информации.
- Образы помогают ускорить и упростить процесс принятия решения. Благодаря образам политику легче систематизировать и проанализировать информацию, выстроить модели возможных вариантов дальнейшего развертывания ситуации, принять необходимое решение.
- Образы служат «оправданием» агрессивной или империалистской политики государства-лидера. Заклеймив государство как врага, страна может оправдать перед мировым сообществом применение санкций или силы по отношению к своему оппоненту. В качестве примера можно привести концепцию США об «оси зла» и необходимости бороться с режимами, в которых нарушаются права человека и не соблюдаются основы демократии. Под лозунгом борьбы с «осью зла» во имя демократии мы часто можем наблюдать реализацию имперской политики, направленной на наращивание своего геополитического, экономического, культурного доминирования в регионе и в глобальном измерении.
- Субъективность образов. Очевидно, что образы могут быть крайне субъективны. Иногда они даже специально негативизируются в манипулятивных целях.
- Стигматизация образа страны, попытка вписать характеристики в категоричные понятия «хороший vs. плохой», «развитый vs. отсталый» и т.д.

Далее предлагается рассмотреть типологию внешнего образа. М. Коттам в своей книге «Образы и интервенция» предлагает следующую классификацию:

- Образ врага
- Образ союзника
- Образ зависимого государства
- Образ союзника врага⁵

Образ врага представляет особый интерес. Они поистине является одним из самых противоречивых образов, в той или иной степени доминирующих во время существования разных систем международных отношений. Интересно проследить трансформацию данного образа в рамках смены систем международных отношений в конце XX века.

Об образе врага в мировой политике написано немало литературы. Особенно актуальна данная проблематика стала в реалиях блокового противостояния двух сверхдержав, когда идеологическая непримиримость легла в основу политики противодействия врагу.

Кто такой враг? В дословном понимании враг — это противник, оппонент, чьи взгляды непримиримы со взглядами другой стороны, что ведет к возникновению конфликта. Враги существуют как в бытовом, так и политическом, экономическом, военном, геополитическом, культурном плане.

Существование врага — природная закономерность. Еще в древние времена «врагами» были все чужаки, что помогало идентифицировать свою группу и отличать ее от «чужой» группы.

Именно в бинарной оппозиции «свой» vs «чужой» кроется ключ к пониманию природы «врага». Враг — это не обязательно тот, кого следует уничтожить (военный враг), это тот, который не похож на «своих». Его чуждость, непохожесть делает его чужим. Эта дифференциация стала важнейшей предпосылкой формирования национального самосознания народов. С. Оболенская пишет о том, «что определяющий стереотип в отношении одного народа к другому — различие «своих» и «чужих», свойственное человеку с глубокой древности и проявляющееся прежде всего в отталкивании всего «чужого» как неприемлемого. С ним связаны самые общие представления о действительных или мнимых национальных чертах. Можно привести множество расхожих и устойчивых характеристик, возникших из этих представлений, но мало что дающих для глубокого понимания национального характера»⁶.

Многие исследователи национальных образов отмечают, что понять сущность своего народа можно в противопоставлении его другому народу. Т.е. другой народ выступает «зеркалом», сквозь призму которого путем сопоставления или противопоставления себя с другими можно сформировать самообраз.

Перечисляя механизмы образования образов, Р. Брегер также выделяет процесс дихотомизации «мы» и «они», который он называет «разграничение внутренних и внешних групп» (*boundarydrawingbetweeningroupandoutgroup*)⁷. Ярким примером дихотомизации являются следующие суждения: «римляне vs. все остальные варвары», «мусульмане vs. все остальные неверные» и т.д. Политическая мобилизация подобных дихотомий может стать прямой причиной конфликта. Различ-

ние «мы» и «они» является первоосновой самоидентификации личности в индивидуальном контексте, нации в глобальном контексте. При этом «они» не означает «плохие», а означает «другие, отличные от нас».

В политической философии проблематика «образа врага» находит отражение в работе немецкого юриста Карла Шмитта «Понятие политического», в которой автор дает определение политического через бинарную оппозицию «друг» vs. «враг»: Понятие политического определяется Шмиттом не с помощью описательной дефиниции, а с помощью критерия противопоставления. При этом определить политическое через другие противопоставления, например, эстетическое — неэстетическое, моральное — аморальное, добро — зло, Шмитту видится невозможным.

Мыслить политически — значит выбирать между конфликтующими альтернативами

Политическому врагу (Шмитт делает акцент на том, что политический враг — *hostis* — не имеет ничего общего с личным врагом — *inimicus*) не обязательно быть злым, морально уродливым; он не обязательно должен быть экономическим конкурентом, «...он просто другой, чужой, и всего на просто достаточно того факта, что он в определенной мере представляет собой что-то экзистенциально отличное и чуждое»⁸.

Политический враг является другим, чужим, в результате чего в восприятии возникает оппозиция мы/чужие, что делает возможным ведение войны против чужих, чье бытие и экзистенциальная сущность отличны от «нашего». Война понимается Шмиттом как отрицание другого бытия (*seinsmigeNegierung eines anderen Seins*). Внутри государства это отрицание выливается, например, в классовую борьбу. На мировой арене следствием противопоставления «друг» vs. «враг» становятся межгосударственные войны.

Можно согласиться с пониманием политического как антагонизма, конститутивного для человеческих обществ. Мыслить политически — значит выбирать между конфликтующими альтернативами. Действовать политически — значит уметь определить друзей и врагов. Политическое лежит в основе бытия общества и государства. Ведь именно установление различия (мы — они, свой — чужой, друг — враг) предполагает создание идентичности.

В работе «К агонистической модели демократии» Шанталь Муфф пишет о том, что поскольку все формы политических идентичностей предполагают разграничение между «нами» и «ними», это значит, что возможность возникновения антагонизма никогда не может быть полностью ликвидирована⁹. Муфф и Шмитт, утверждающие, что общество, в котором исчезнет антагонизм — это иллюзия, абсолютно правы. Так как в таком обществе будет нивелирована идентичность (национальная, религиозная и т.д.), а значит и все общество в своем многообразии. Ведь именно «они» представляют собой условие возможности «нас», ту самую конститутивную изнанку, которая делает возможным формирование идентичности.

На теорию Шмитта о бинарном противопоставлении «друг» vs. «враг» ложатся современные конструтивистские теории регионализма, согласно которым существует региональная идентичность, позволяющая ментально отделить «нас» от «них» в регионы. Из ментального отделения часто образовывались реальные региональные конструкты. Так, например, Ларри Вульф в работе «Изобретая Восточную Европу» пишет о том, что в реальности никакой Восточной Европы не существует, это просто ментальная конструкция, созданная в 18 веке. Это образ «другого», отличного от Запада. Идея существования Восточной Европы особо укрепилась после падения железного занавеса и деления Европы на два антагонистических мира — социалистического и капиталистического¹⁰. Другой конструтивист Эдвард Саид в своей знаменитой книге «Ориентализм»¹¹ пишет о том, что Ориент — есть ментальный конструкт, созданный в противовес Окциденту, что дало Западному миру возможность формирования западной идентичности, отделяющей нас (цивилизованных) от них (варваров).

Как и Шмитт, Шанталь Муфф отрицает возможность демократической политики без конфронтации. Однако понимание конфронтации по Муфф не такое радикальное: она определяет суть политического в демократическом государстве не как антагонизм «друг» vs. «враг», а как агонизм. Антагонизм — это борьба между врагами, агонизм — это борьба между соперниками. «Антагонизм подразумевает под собой отношения «мы» и «они», в рамках которого две стороны являются врагами и не имеют ничего общего или общего символического пространства; агонизм — это отношения между «мы» и «они», где конфликтующие стороны, несмотря на то, что они признают, что не су-

ществует никакого рационального разрешения для их конфликта, тем не менее признают оправданность и легитимность действий и позиций обеих сторон и противников»¹².

Таким образом, можно предположить, что после распада биполярного мира, в котором доминировала антагонистическая модель взаимодействия государств, разделенных «железным занавесом», доминирующей стала агонистическая модель взаимодействия, согласно которой государства не враги, а соперники (экономические, геополитические и др.). Т.е. смена геополитический, исторических и социокультурных реалий в конце XX века привела также к смене модели взаимодействия государств, а также к смене парадигмы восприятия государственных образов.

1. Во время «холодной войны» — блоковое антагонистическое противостояние, где противоположный лагерь рассматривался как «враг». Некапиталистическое государство было для США либо врагом, либо сферой влияния врага, которую важно «переманить» на свою сторону.

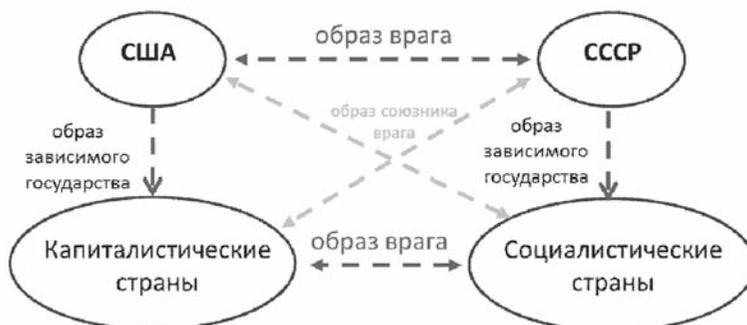
2. После распада биполярного мира и образования многополярного мира акцент смещается в область агонистического взаимодействия государств. Доминирующим образом становится образ стратегического партнера.

Схематически парадигмальный сдвиг в восприятии образов государств можно представить следующим образом:

Схема №3

Смена парадигм восприятия образа государств.

Автор Хауер-Тюкаркина О.М.

А) глобальное доминирование образа врага в биполярном мире
(другие образы — образ зависимого государства, образ союзника врага)

*Б) глобальное доминирование образа стратегического партнера
в многополярном мире*

Таким образом, изменения глобального миропорядка повлекли за собой изменение природы восприятия образов политических акторов. Образ «врага» как идеологического, геополитического противника уступил место образу «соперника» или даже «стратегического партнера». Безусловно, образ врага продолжает существовать, так как полной ликвидации противостояния (антагонизма или агонизма) между государствами как основы политического, речи быть не может, ведь именно это противостояние лежит в основе идентичности государства, а значит и плюрализма национальных государств. Однако в многополярном мире образ врага не является доминирующим.

В этой связи автор предлагает типологию образов, характерную для многополярного мира:

- Образ стратегического партнера. Данный образ доминирует в биполярном мире. Основой стратегического партнерства могут выступать военный, культурный, геополитический, экономический фактор. При этом стратегические партнеры не обязательно должны быть единомышленниками. Например, стратегическое партнерство Турции и США основано на геополитических интересах стран. Несмотря на то, что в последнее время в Турции намечается отход от светского государства и усиление авторитаризма, США это ничуть не смущает. Raison d'état американской державы — усиление геополитического влияния в регионе и использование Турции в качестве союзника — является приоритетом для США, перед которым меркнут идеи насаждения демократии и американских ценностей во всем мире.

- **Образ соперника.** Именно образ соперника, а не образ врага более характерен для многополярного мира. Образ врага отошел на второй план: он либо перенесся в культурно-цивилизационную плоскость, либо сохраняется в рамках билатеральных конфликтов. При соперничестве конфликт интересов пусть и ярко выражен, но он не переходит за грань мирного разрешения конфликта. Соперники не воюют, они решают проблемы с помощью диалога и других невоенных инструментов воздействия, а иногда и принуждения. Сегодня все чаще можно услышать идею о соперничестве за глобальное доминирование среди держав многополярного мира. Соперничество происходит в различных плоскостях — культурной (чья культура более привлекательна для остального мира), экономической, военной (наращивание военного потенциала).
- **Образ врага.** Данный образ продолжает существовать. Он принял немного другое измерение: сегодня об образе врага чаще всего говорят, когда речь идет о культурно-цивилизационном надломе, который поделил мир на «своих» и «чужих». Эта идея раскрыта в труде С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Образ врага также продолжает существование в рамках межгосударственных конфликтов (например, Индия и Пакистан, Израиль и Палестина, Северная Корея и Южная Корея). В рамках билатеральных конфликтов обе стороны идентифицируют противоположную как «врага», подчеркивая при этом непримиримость позиций.
- **Образ зависимого государства.** От зависимого государства не исходит никакой опасности. Оно всецело зависит от действий суверена. Зависимость может быть экономическая, геополитическая и т.д.
- **Образ государства-единомышленника.** Данный образ достаточно редко встречается в межгосударственных отношениях. Можно предположить, что страны ЕС в рамках союза рассматривают друг друга как единомышленники: у них единые экономические, политические, культурные институты, их объединяет множество факторов, они борются с едиными вызовами. Безусловно, страны ЕС воспринимают отдельных соседей по союзу как соперников или стратегических партнеров. Однако преобладающим является образ государства-единомышленника.
- **Образ «государства-изгоя».** Данный образ сформирован во многом на основе когнитивных карт, которыми руководствуются во внешней политике США. Будучи влиятельным игроком на мировой арене, США

буквально «заклеймило» некоторые неугодные государства. Изгой — это государство, с мнением которого не считаются другие страны, оно как бы отброшено на обочину мировой политики.

- Образ нейтрального государства. Этот образ стал традиционным для таких государств, как Швейцария, Швеция и т.д. Данные страны воздерживаются от активного вмешательства в различные конфликты. Их роль чаще всего сводится к медиаторству.

Австрийский философ Людвиг Витгенштейн писал, что образ (в нем. *das Bild*) — это модель реальности. С помощью подобных «моделей реальности» можно охарактеризовать роль государства в мировой политике, его положение в глобальной системе координат, а также определить общие тенденции развития международной системы отношений. Образы служат ориентиром в мире бесконечного потока информации. Анализ внешнего и внутреннего аспектов образа государства, выявление характера взаимоотношений этих двух аспектов целостного концепта «образ государства» является важной задачей для каждого государства, желающего приумножить свою конкурентоспособность и повысить репутационный капитал. **МП**

Примечания

- ¹ Dreitzel H.-P. Selbstbild und Gesellschaft. Wissenssoziologische Überlegungen zum Image-Begriff. In: *Europäisches Archiv für Soziologie*. 1962. Heft 3.
- ² Rizzello S. (1997), 'The Microfoundations of Path-dependency', in Magnusson L. et al. (eds): *Evolutionary Economics and Path-dependence*, Cheltenham, Edward Elgar, pp98 – 118. Цит. по: Seri P. Obstacles and inertia in local action planning: a social cognitive approach. Max Planck Institute for Economic Systems. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://papers.econ.mpg.de/evo/Conference_papers/RIS/Seri.pdf. Дата обращения: 09.01.11.
- ³ Klempner V. *LT1. Notizbuch eines Philologen*. Stuttgart, 2007.
- ⁴ Соловьев А.И. *Политология: Политическая теория, политические технологии*. М., 2004.
- ⁵ Cottam M.L. *Images and Intervention. U.S. Policies in Latin America*. Pittsburgh – London, 1994.
- ⁶ Оболенская С. *Германия и немцы глазами русских (XIX) век*. М., 2000.
- ⁷ Breger R. A. *Myth and Stereotype. Images of Japan in the German Press and in Japanese Self-Presentation*. Frankfurt am Main, 1990.
- ⁸ Schmitt C. *Der Begriff des Politischen*. Berlin, 1963.
- ⁹ Муфф Ш. К агонистической модели демократии // *Логос*. 2004. – No 2. (42).
- ¹⁰ Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003.
- ¹¹ Said E.W. *Orientalism*. N.Y., 1978.
- ¹² Муфф Ш. *Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений* // *Материалы Международной конференции по философии, политике и эстетической теории «Создавая мыслящие миры»*. Москва, 17-18 ноября 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/.